

Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: особенности процесса доказывания

Е. В. Завороднева

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»,
460018, Оренбургская область, Оренбург, проспект Победы, 13.

E-mail: korniyaseva_katy@mai.ru

Criminal Proceedings Against Certain Categories of Persons: Features of the Proof Process

E. V. Zavorodneva

Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Orenburg State University.

Address: Orenburg State University,

13 Avenue Victory, Orenburg, Orenburg Region, 460018, Russian Federation.

E-mail: korniyaseva_katy@mai.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые проблемные моменты осуществления доказывания по делам в отношении отдельных категорий лиц. На основании теоретического анализа практики применения главы 52 УПК РФ аргументируется положение о том, что особому порядку производства, предусмотренному указанной главой, присуща собственная специфика доказательственной деятельности. В связи с этим, по мнению автора, в уголовно-процессуальном законе должно быть отражено дополнение предмета доказывания по уголовным делам, свойственным только этому виду производства подлежащими доказыванию обстоятельствами. Демонстрируется наличие необходимости расширения предмета доказывания по данной категории уголовных дел, во-первых, за счет обязательности установления такого признака субъекта преступления, как действительность его статуса, во-вторых, за счет необходимости опровержения версии об обусловленности уголовного преследования противодействием законной деятельности привлекаемого к уголовной ответственности лица. Даются конкретные рекомендации по совершенствованию норм законодательства, регламентирующих производство в отношении отдельных категорий лиц, что, по мнению автора, позволит осуществлять расследование таких дел более целенаправленно и эффективно.

Ключевые слова: уголовный процесс, процесс доказывания, предмет доказывания, пределы доказывания, особые производства, производство в отношении отдельных категорий лиц, лица с особым статусом, гарантии статуса, досудебные стадии процесса, стадия возбуждения уголовного дела, доследственная проверка, уголовное преследование, обстоятельства, подлежащие установлению.

Abstract

The article discusses some problematic aspects of the implementation of evidence in cases against certain categories of persons. Based on the theoretical analysis of the practice of applying Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the provision is argued that the special procedure of production provided for by this chapter has its own specifics of evidentiary activity. In this regard, according to the author, the criminal procedure law should reflect the addition of the subject of proof in such criminal cases by circumstances peculiar only to this type of production to be proved. It is demonstrated that there is a need to expand the subject of proof in this category of criminal cases, firstly, due to the obligation to establish such a feature of the subject of the crime as the validity of his status, and, secondly, due to the need to refute the version about the conditionality of criminal prosecution by countering the legitimate activities of the person being prosecuted. Specific recommendations are made to improve the norms of legislation regulating the proceedings against certain categories of persons, which, according to the author, will allow the investigation of such cases more purposefully and effectively.

Keywords: criminal proceedings, the process of proof, the subject of proof, the limits of proof, special proceedings, proceedings against certain categories of persons, persons with special status, status guarantees, pre-trial stages of the

process, the stage of initiation of criminal proceedings, pre-investigation, criminal prosecution, circumstances to be established.

Глава 52 УПК РФ регламентирует процессуальную деятельность в отношении отдельных категорий лиц в процессуальной форме, предполагающей существенное усложнение некоторых процедурных механизмов с целью обеспечения повышенного уровня гарантий защиты прав и законных интересов таких лиц от угрозы неправомерного воспрепятствования их деятельности по реализации своих публичных полномочий. В уголовно-процессуальной науке в отношении данного производства выделяются относящиеся прежде всего к досудебным стадиям процесса следующие его существенные особенности:

- 1) возбуждение уголовного дела (статья 448 УПК РФ);
- 2) задержание (статья 449 УПК РФ);
- 3) избрание меры пресечения в виде заключения под стражу (статья 450 УПК РФ);
- 4) производство отдельных следственных действий (статьи 450, 450.1 УПК РФ);
- 5) направление уголовного дела в суд (статья 451 УПК РФ).

Дифференциация рассматриваемого вида производства, кроме перечисленных выше особенностей, основная из которых заключается в недопустимости принятия ряда процессуальных решений (прежде всего, о возбуждении уголовного дела) без согласования с соответствующим лицом или органом, выступающими в качестве дополнительных субъектов оценки обоснованности этих решений, предполагает, на наш взгляд, и существенные особенности доказательственной деятельности.

Исследователями особенности доказывания при различных видах производств правомерно связываются с его предметом и пределами. При этом последние различаются не только в зависимости от стадии, на которой осуществляется доказывание, но и от самого вида производства, для реализации которого оно осуществляется. В этом отношении представляется небесполезным исследование специфики их проявления в рассматриваемом виде производства.

Как известно, доказывание по уголовному делу имеет в качестве своей предпосылки определенное знание того, что подлежит установлению в ходе производства по делу, сформулированное в статье 73 УПК РФ. Поэтому предмет доказывания

в гносеологическом плане есть модель, установленная законодателем программа уголовно-процессуальной деятельности [10. – С. 43]. Наличие такой программы в виде четко определенного предмета доказывания преследуется цель облегчить уголовно-процессуальную деятельность, позволяющую осуществлять доказывание целенаправленно и экономно. Сформулированные в предмете доказывания задачи, подлежащие разрешению в типичных ситуациях, направляют и облегчают деятельность субъектов доказывания, поскольку отпадает необходимость всякий раз заново формулировать эти задачи, являющиеся общими для любой из таких ситуаций [8. – С. 499].

В свою очередь для определения пределов доказывания в науке доказательственного права используется двоякий подход к установлению его критериев: количественного и качественного. В первом случае – это объем требуемых средств доказывания – не только собственно доказательств, но и необходимых для их получения процессуальных способов (процессуальных действий). Во втором – это степень, уровень установления обстоятельств дела, точность и глубина. Качественный аспект понятия «пределы доказывания» в последнем случае призван отражать результат процессуальной познавательной деятельности с позиции его вероятности или достоверности.

Исходя из этого можно сделать вывод, что в наиболее обобщенном виде категория «пределы доказывания» призвана отражать границы деятельности по доказыванию, внутри которых эта деятельность является необходимой, но за их пределами – уже нецелесообразной.

Рассматриваемый вид производства относится к особым, поэтому присущая ему специфика не может не проявляться в особенностях процессуального познания обстоятельств дела, которые, безусловно, имеют место и на его начальном этапе.

Так, вопрос о возможности осуществления на стадии возбуждения уголовного дела доказательственной деятельности, довольно продолжительное время являвшийся дискуссионным, в настоящее время считается разрешенным, при-

чем разрешенным вполне однозначно. Дополнение Федеральным законом № 23-ФЗ¹ в 2013 г. статьи 144 УПК РФ положением, сделавшим возможным использование полученных в ходе проверки сообщения о преступлении сведений в качестве доказательств, поставило точку в полемике ученых по этому поводу.

Общей спецификой доказательственной деятельности на начальном этапе судопроизводства является ограниченность средств ее реализации при высокой информационной неопределенности. Как указывает В. А. Семенцов, задачами данной стадии являются:

- 1) проверка законности повода к возбуждению уголовного дела;
- 2) установление основания к этому;
- 3) установление отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу [15. – С. 92].

Решение двух последних задач, по мнению П. А. Лупинской, диктуется предметом доказывания, часть обстоятельств которого, хотя и в предположительной форме, но должна быть установлена в стадии возбуждения уголовного дела [10. – С. 76].

Здесь возникает вопрос об определении границ доказывания и средств его реализации для рассматриваемого вида производства, которые, на наш взгляд, не могут не иметь собственного содержания.

Так, общепризнанной позицией при рассмотрении вопроса о законности возбуждения уголовного дела является мнение о достаточности установления лишь признаков нарушенного объекта охраны, а также иных относящихся преимущественно к объективной стороне деяния признаков [7. – С. 51]. Указанная позиция, безусловно, справедлива в отношении возбуждения уголовных дел в общем порядке, но не может быть распространена в полной мере на возбуждение уголовных дел в отношении обладающих особым статусом лиц, поскольку специальный характер законодательных требований для возбуждения данного вида производства заключается в необходимости предварительного установления не только признаков объекта, но и некоторых обязательных признаков субъекта преступления, в

данном случае – статуса лица, возможно, совершившего преступление.

В этом отношении учеными подчеркивается невозможность по данной категории дел инициирования уголовного преследования без установления обстоятельств, подтверждающих действующий статус того лица, в отношении которого проводится доследственная проверка. Соответственно, предмет доказывания по таким делам обладает спецификой, выраженной в необходимости обязательного установления до принятия решения о возбуждении уголовного дела указывающих на особый статус лица обстоятельств – относимость этого лица к перечисленным в статье 447 УПК РФ субъектам.

Такой необходимостью обусловлена и обязательность использования по таким делам такого процессуального средства, как истребование документов от органов, уполномоченных на наделение лица определенным статусом, которое в связи с этим является не только обязательным, но и незаменимым процессуальным действием. При этом его незаменимость диктуется необходимостью проверки действительности статуса лица, который может быть утрачен в связи с несоблюдением требуемых законодательством ограничений, например, в связи с занятием не предусмотренной соответствующим законом оплачиваемой деятельностью. Поэтому документа, удостоверяющего полномочия лица для убеждения в действительности его статуса, может быть недостаточно.

Таким образом, первой особенностью производства в порядке главы 52 УПК РФ является расширение предмета доказывания, а значит, и его пределов на начальном этапе судопроизводства за счет обязательности установления такого признака субъекта преступления, как действительность его статуса. При этом если качество знаний о наличии признаков преступления для возбуждения уголовного дела может иметь вероятный характер [17. – С. 99], то указанный признак субъекта преступления должен быть установлен достоверно, что указывает на отличную от общего порядка существенную особенность качественной характеристики пределов доказывания на данном этапе процесса.

Ю. К. Орлов справедливо подчеркивает принципиальное значение категории «пределы доказывания» для определения оснований принятия процессуальных решений [11. – С. 55], не только итоговых, но и промежуточных. Для обоснования

1. См.: Федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – № 6024.

каждого из них необходимо устанавливать требуемую законом совокупность данных. В частности, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (часть 2 статьи 140 УПК РФ), но для привлечения лица в качестве обвиняемого уже необходима достаточная совокупность доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении конкретного преступления (часть 1 статьи 171 УПК РФ).

Считаем необходимым подчеркнуть, что если до возбуждения уголовного дела уполномоченное на принятие решения лицо оперирует лишь сведениями, то после этого процессуальные решения обосновываются уже доказательствами. Исходя из этой позиции можно не согласиться с мнением Н. Н. Ковтуна и Р. В. Ярцева, усмотревших противоречие в суждениях Верховного Суда Российской Федерации о требованиях к процедуре разрешения представления в порядке части 3 статьи 448 УПК РФ по одному и тому же делу, которым в одном абзаце прямо требуется непосредственная проверка и оценка достаточности представленных в суд данных, а в следующем абзаце категорически запрещается оценка достаточности доказательств [5. – С. 8].

На наш взгляд, высказывать упрек в несовместимости приведенных суждений суду высшей инстанции ошибочно, поскольку такой упрек был бы справедлив лишь в случае тождественности употребленных в суждениях суда понятий, но в первом случае речь идет о данных (сведениях), а во втором – о доказательствах, поэтому речь в них идет не об одном и том же, и, следовательно, никакого противоречия здесь не усматривается.

При этом на начальной стадии процесса, как справедливо отмечается некоторыми авторами, доказательств еще нет и быть не может [1. – С. 9], и проверку сообщения о преступлении неправомерно относить к получению доказательств, поскольку III раздел УПК РФ, посвященный доказательствам и доказыванию, отнесен к стадии предварительного расследования и не содержит указаний на получаемые до возбуждения уголовного дела доказательства. Поэтому трудно согласиться с мнением ученых, считающих, что в отношении результата проверки сообщения о преступлении законодатель под понятием «данные» подразумевает доказательства [9. – С. 139].

Во-первых, к доказательствам законом предъявляются требования относимости допустимости и достоверности, выполнение которых в должной

мере на начальной стадии процесса вряд ли возможно. Во-вторых, на данной стадии субъект проверочной деятельностью может оценить лишь степень убедительности полученных сведений при проведении дозволенных законом следственных действий, а не их достоверность. Оценка же достоверности сведений возможна по окончании расследования посредством убежденности в согласованности и непротиворечивости этих сведений в результате их проверки субъектом доказывания уже в ходе производства по делу. Именно поэтому, по мнению ученых, законодатель, регламентируя этап проверки сообщения о преступлении, использует не понятие «доказательства», а словосочетание «могут быть использованы в качестве доказательств», что призвано отражать только потенциальную действительность последних [6. – С. 105].

Напротив, как отмечено выше, принятие решения о привлечении в качестве обвиняемого требует своего обоснования уже достаточной совокупностью доказательств. При этом, в отличие от постановления о возбуждении уголовного дела, в содержании постановления о привлечении в качестве обвиняемого уже должны быть отражены перечисленные в пунктах 1–4 предмета доказывания обстоятельства, т. е. речь должна идти о доказанности этих обстоятельств, что с позиции материального права предполагает установление с максимально возможной на данный момент производства по делу степени вероятности всех элементов состава преступления или, используя терминологию С. Б. Россинского, при «практически абсолютной убежденности» [14. – С. 138] субъекта доказывания в их наличии.

Конституционным Судом Российской Федерации в этой связи подчеркивается, что «закон не допускает возможности привлечения лица в качестве обвиняемого, если вменяемые ему деяния, предусмотренные уголовным законом, не подтверждены достаточными доказательствами»¹. В связи с этим, как представляется, употреблять только понятие «признаки преступления» в нормах части 1 и части 3 статьи 448 УПК

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 г. № 589-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чирьева Константина Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/1781847/> (документ опубликован не был).

РФ, где речь идет и о возбуждении уголовного дела, и о привлечении в качестве обвиняемого, явно некорректно. В этом отношении можно отчасти согласиться с учеными, считающими ошибочным, употребление понятия «признаки преступления» в указанных нормах, которое необходимо заменить понятием «признаки состава преступления» [5. – С. 11].

Вместе с тем полагаем более правильным не замену указанных терминологических единиц, а упоминание в данных нормах их обеих, поскольку если суд разрешает представление о возбуждении уголовного дела, то в таком представлении достаточно указания на наличие признаков преступления. Но, очевидно, что таковых явно недостаточно, если речь идет о разрешении представления о привлечении в качестве обвиняемого. В последнем случае речь, безусловно, уже должна идти о наличии признаков состава преступления. Исходя из этого, следует, что часть 1 статьи 448 УПК РФ нуждается в корректировке и должна иметь следующее содержание: «1. Решение о возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления либо о привлечении его в качестве обвиняемого при наличии признаков состава преступления, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения преступления, в отношении лица, указанного в части первой статьи 447 настоящего Кодекса, принимается: далее по тексту».

Также необходимо дополнение содержания норм пунктов 2–2.1 части 1 и части 3 статьи 448 УПК РФ, которые должны содержать оба из указанных выше понятий и завершаться словами «либо признаков состава преступления».

Следует отметить, что принятие решения о привлечении лица в качестве обвиняемого исследователями увязывается с рядом необходимых условий. Так, по мнению Л. М. Карнеевой, к таковым относятся, во-первых, наличие совокупности согласующихся между собой и непротиворечивых доказательств, которыми, по убеждению субъекта доказывания, подтверждается вывод о совершении привлекаемым к обвинению лицом инкриминируемого ему преступления и, во-вторых, любые возможные сомнения по этому поводу к моменту вынесения соответствующего постановления уже устранены [4. – С. 128].

Последнее из указанных условий имеет специфику приложения к рассматриваемому в работе виду производства, поскольку, на наш взгляд, оно должно с необходимостью предполагать

опровержение версии об обусловленности уголовного преследования противодействием законной деятельности привлекаемого к уголовной ответственности лица. При этом необоснованное преследование может быть следствием стремления оказать давление на обладающего определенным статусом лицо, повлиять на его деятельность и решения, отомстить за них или склонить к изменению их характера и т. д. Безусловно, от проявления подобных посягательств должны быть защищены все лица, чья профессиональная деятельность связана с риском такого преследования. Очевидно, что нельзя отказать в реальности такого риска для любых выполняющих государственные, общественно значимые и иные полномочия лиц.

В этом отношении можно выразить несогласие с мнением Н. В. Романенко, считающей, что решение вопроса о наличии или отсутствии такой обусловленности находится в исключительной компетенции, указанных в пунктах 1–4 части 1, статьи 448 УПК РФ¹ профессиональных сообществ (и только их) [13. – С. 106] и, следовательно, то, что данный вопрос подлежит разрешению исключительно в отношении представителей власти, указанных в этих же нормах, т. е. только в отношении парламентариев и судей.

Во-первых, в противовес мнению цитируемого автора о фактическом лишении всех иных лиц указанного полномочия [13. – С. 106], О. В. Добровлягина, напротив, правомерно указывает, что обязанностью лица, выносящего представление об инициировании преследования, является обоснование отсутствия его связи с занимаемой специальным субъектом позицией при осуществлении своих полномочий [2. – С. 400], а задача уполномоченных органов – согласиться или не согласиться с этим обоснованием. При этом проверка указанного обстоятельства, как справедливо отмечает А. В. Победкин, будет служить действенной гарантией законности привлечения обладающих особым статусом лиц к ответственности [12. – С. 234].

¹ Совет Федерации или Государственная Дума (пункт 1 части 1 статьи 448 УПК РФ), коллегия, состоящая из трех судей Верховного Суда Российской Федерации (пункты 2–2.1 части 1 статьи 448 УПК РФ), Конституционный Суд Российской Федерации (пункт 3 части 1 статьи 448 УПК РФ), Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации (пункт 4 части 1 статьи 448 УПК РФ).

Во-вторых, даже если уполномоченными органами такое согласие дано, эти органы, в отличие от органов предварительного расследования, не обладают и не могут обладать необходимыми средствами для достоверного установления отсутствия связи между законными действиями, совершенными ранее, совершаемыми или только планируемые к совершению обладающим определенным статусом лицом при исполнении своих полномочий, и поводом к возбуждению уголовного дела, поэтому версия о наличии такой связи не только должна быть проверена до возбуждения уголовного дела, но и оставаться рабочей и подлежать проверке и достоверному опровержению и в ходе производства по делу.

В этом, на наш взгляд, заключается еще одна особенность, расширяющая предмет и пределы доказывания при производстве в порядке главы 52 УПК РФ.

По нашему мнению, дополнение предмета доказывания указанным обстоятельством, предполагающим обязательность проверки версий, исключающих уголовное преследование всех без исключения отраженных в статье 447 УПК РФ лиц, будет действенным механизмом их защиты от неправомерного уголовного преследования. Как справедливо отмечает в этой связи О. В. Добровлявина, данный защитный механизм позволяет минимизировать ситуации, при которых обладающие особым статусом субъекты за их качественную, но невыгодную, неугдную кому-то работу могли бы стать жертвой решивших расправиться с ними лиц путем инициации сфабрикованного обвинения [2. – С. 403].

Таким образом, границы доказывания расширяются за счет обязательности установления статуса лица, относимого законом к особым, а также необходимости проверки специфичной именно для данного вида производства версии об отсутствии обусловленности расследуемого события противодействием законной деятельности лица, в отношении которого проводится доследственная проверка и предварительное расследование.

Соответственно, указанные особенности должны найти отражение в уголовно-процессуальном законе по аналогии со статьями 421, 434 УПК РФ, где закреплены специфические для производства в отношении несовершеннолетних и невменяемых подлежащие установлению обстоятельства, расширяющие предмет доказывания по таким делам.

В связи с этим предлагается дополнение уголовно-процессуального закона статьи 447.1 «Об-

стоятельства, подлежащие доказыванию». При этом частью первой данной новой нормы, на наш взгляд, должна стать часть 2 статьи 447, содержание которой в настоящее время не соответствует наименованию нормы, к которой она относится.

В свою очередь часть вторая должна иметь следующее содержание: «2. По уголовным делам в отношении отдельной категории лиц, кроме обстоятельств, перечисленных в статье 73 настоящего Кодекса, подлежит доказыванию следующее:

1) лицо относится к категории лиц, указанных в статье 447 настоящего Кодекса, и его пребывание в соответствующей должности на момент возбуждения уголовного дела не прекращено;

2) отсутствие связи уголовного преследования с противодействием осуществлению лицом своих полномочий».

Установление обстоятельства, отраженного в пункте 1 части 2 новой нормы, необходимо также и для исключения возможности производства по делу в форме сокращенного дознания (пункт 3 части 1 статьи 226.2 УПК РФ). При этом нельзя исключить, что лица, имеющие особый статус, могут скрывать его не только при совершении незначительной по тяжести последствий категории преступлений во избежание подрыва своей репутации и утраты статуса, но и категории тяжких преступлений, что может иметь негативные последствия для их расследования.

Так, Абаканским гарнизонным военным судом в порядке, предусмотренном статьей 237 УПК РФ, в одноименную военную прокуратуру возвращено уголовное дело по обвинению бывшего военнослужащего К. в совершении преступления, предусмотренного частью 6 статьи 290 УК РФ, в связи с нарушением требований статей 447 и 448 УПК РФ, допущенных при возбуждении уголовного дела, поскольку К. являлся членом избирательной комиссии¹. В ходе судебного заседания подсудимый К. представил копию постановления избирательной комиссии Ленинского района города Астрахани, удостоверяющей его статус члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса. Несмотря на то что

¹ Обзор причин, послуживших основанием для возвращения судами уголовных дел в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2017 г. : информационное письмо Главного военного следственного управления от 9 апреля 2018 г. – URL: <http://gvsu.gov.ru/info-pravo/> (дата обращения: 23.01.2022).

наличие особого правового статуса обвиняемый скрывал в ходе предварительного следствия, суд принял решение о возвращении уголовного дела прокурору.

В связи с этим установление того факта, что гражданин относится к лицам, указанным в части 1 статьи 447 УПК РФ, является обязанностью уполномоченного на осуществление проверки и разрешения сообщения о преступлении субъекта. При этом если в ходе осуществления этой деятельности по каким-либо причинам данных, свидетельствующих о наличии у гражданина особого статуса, получено не было, и в его отношении постановление о возбуждении уголовного дела вынесено в общем порядке, такое постановление не может быть признано законным и обоснованным в силу его вынесения с нарушением установленной законом для лиц с особым статусом процедуры.

В этой связи важно подчеркнуть недопустимость возбуждения уголовного дела по факту при одновременном наличии в сообщении о преступлении данных, указывающих на его совершение конкретным лицом. Как свидетельствует практика, такое решение будет признано незаконным, а производство – подлежащим прекращению.

В этом отношении учеными негативно оценивается отсутствие законодательно закрепленной обязанности, а не права, как это имеет место в настоящее время, обладающих особым статусом лиц сообщать о нем органам предварительного расследования, поскольку базы данных о каждой

из рассматриваемых категорий лиц не существует [16. – С. 337]. По этому поводу А. И. Бастрыкин, отмечая, что «в практике имеют место случаи, когда лица с особым статусом не сообщают о нем следственным органам, а затем в суде, заявляют об этом, что влечет отмену всех принятых процессуальных решений и признание собранных по уголовному делу доказательств недопустимыми», считает необходимым в связи с этим «дополнить статью 447 УПК РФ новой нормой, в которой должно быть отражено, что в случае, если в ходе проверки сообщения о преступлении или расследования уголовного дела не установлены сведения о наличии у лица особого статуса, и такое лицо этих сведений не сообщило, но при этом последствия этого были ему разъяснены, процессуальные действия считаются проведенными с соблюдением требований законодательства» [3]. По нашему мнению, такое дополнение является весьма актуальным.

Таким образом, наличием у привлекаемого к ответственности лица особого статуса должны быть обусловлены, с одной стороны, необходимость законодательного закрепления дополнительных подлежащих установлению обстоятельств, а с другой – особые подходы к средствам доказывания. При этом установление в законе особенностей предмета доказывания по данной категории уголовных дел позволит осуществлять их расследование более целенаправленно и эффективно.

Список литературы

1. Александров А. А. Анализ сентябрьских предложений Минэкономразвития по изменению уголовно-процессуального права // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии : материалы Международной научно-практической конференции. 13–14 декабря 2012 г. – Волгоград : ВолГУ, 2012. – С. 6–18.
2. Добровлянина О. В. Некоторые проблемы привлечения лиц отдельных категорий в качестве обвиняемых // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1(10). – С. 398–403.
3. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина «Российской газете» 13 января 2023 г. – URL : <https://sledcom.ru/press/interview/item/1747524/>
4. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. – М. : Юридическая литература, 1971.
5. Ковтун Н. Н., Ярцев Р. В. Особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении специальных субъектов или их привлечения в качестве обвиняемых (глава 52 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 1. – С. 5–12.
6. Корнакова С. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76. – № 1(194). – С. 98–109.

7. Корнакова С. В. Признаки преступления или признаки состава преступления должны быть основанием для возбуждения уголовного дела? // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 3 (61). – С. 48–56.
8. Корнакова С. В., Завгороднева Е. В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 4. – С. 495–501.
9. Левченко О. В. Некоторые особенности предмета и процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 9 (201). – С. 139–141.
10. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М. : Юридическая литература, 1976.
11. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М. : Юрист, 2009.
12. Победин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права. – М. : Юрлитинформ, 2013.
13. Романенко Н. В. О согласии на преследование неприкосновенных лиц за совершение преступлений и административных правонарушений // Журнал российского права. – 2017. – № 5. – С. 105–110.
14. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого – логическое завершение предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 137–141.
15. Семенцов В. А. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела путем производства следственных действий // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Векленко. – Вып. 8. – Омск : Омская академия МВД России, 2013.
16. Сотникова В. В., Рахимов О. А. Расследование уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц: вопросы и проблемы // Военное право. – 2019. – № 1 (53). – С. 335–340.
17. Чубыкин А. В. О совершенствовании уголовно-процессуальных отношений на стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 3 (25). – С. 94–101.